

По ту сторону совка

Михаил Эпштейн

Михаїл Епштейн

«По той бік совка. Політика на межі гротеску»

К.: Дух і Літера, 2016. - 320 с.

Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек.

Ф. Достоевский, «Записки из подполья»

Книга известного философа, культуролога и лингвиста посвящена событиям 2014 — 2015 годов и состоит из 40 эссе, опубликованных в «Новой газете», «Независимой газете», «Частном корреспонденте», «Снобе» и т.д.

Знаток русской литературы и теории культуры Эпштейн пытается понять современную Россию по произведениям таких классиков, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Блок, Булгаков, Маяковский. И впрямь, разве политологи с экономистами смогут логически объяснить захват Крыма? Не напоминает ли подобное поведение Настасью Филипповну, которая, не задумываясь, бросает в огонь пачку банкнот? А может быть, дело вовсе не в приобретении Крыма, а в грандиозности своеволия, которое измеряется грандиозностью потери?

Автор уверен, что 2014 год открыл новый, не очень привлекательный период в истории России. Любопытно, что русскоязычная версия книги издана под несколько иным названием: «От совка к бобку. Политика на грани гротеска». «Бобок» — это известный рассказ Достоевского. Его главный герой, писатель-пьяница, оказывается на кладбище и слышит разговоры мертвецов. Выясняется, что после смерти у душ умерших есть еще какое-то время для раскаяния и осознания собственных грехов. Но на что же они тратят это время? На бахвальство своими бесстыдными выходками из прошлого! И среди этих разговоров слышится голос почти разложившегося мертвеца: «Бобок, бобок...». Этот возглас/бормотание — звук души, умирающей в телесной и духовной грязи.

Эпштейн полагает, что именно это слово наиболее точно характеризует эпоху российской истории, начавшейся в 2014 году. Согласно его определению, бобок — это «агрессивно-депрессивный совок, который ничего хорошего не ждет от мира. А потому готов первым нанести сокрушительный удар — и, разлагаясь в могиле, грозит «бобокалипсисом»...

Иллюстрация к рассказу «Бобок»

Политика нынешней российской власти — симптом страшной болезни, поразившей общество. И болезнь эта появилась не внезапно, за какой-то год или два, она вызревала на протяжении веков, принимая разнообразные формы и виды.

В централизации, в объединении абсолютно разных территорий и в нелогичном стремлении к расширению своих границ культуролог видит главную проблему страны. И корни этой проблемы следует искать в ордынском периоде: «Великое несчастье России — что объединилась она не сама из себя, а внешней силой и принуждением Орды. Чтобы Орду скинуть — вобрала ее в себя, сплотилась и незаметно сама стала Ордой».

Когда речь идет о вере и религии, перед нами появляются хрестоматийные персонажи Достоевского: Рогожин, который обменивается с князем Мышкиным нательными крестами и вскоре покушается на его жизнь; крестьянин, молящийся перед убийством своего товарища, и, конечно же, Великий Инквизитор с его стремлением занять место Бога.

«Обрядоверие, в сочетании с гордыней, столь распространенное в России, — дескать, мы истинные христиане, а все остальные нехристи, — это

антихристианство, то самое фарисейство, с которым боролся Иисус», — уверен Эпштейн. По его мнению, сущность практического христианства «не в обрядах, а в том, чтобы любить ближнего, как себя, чтобы не унижать других потому что они другие».

Эпштейну противно стремление к величию и грандиозности. «Пропаганда столь груба и истерична и не стесняется подделок потому, что знает: именно это и оценят массы, которые любят лукавство и игры с Лукавым». В этом контексте очень уместно сопоставление булгаковского Воланда с волшебником Чиполла из новеллы Томаса Манна «Марио и волшебник». Герой Манна — «пошлая карикатура, а не загадочный и величественный Сатана, властелин варьете» из известного романа Булгакова, который и сам, видимо, поддается чарам своего персонажа.

И все же эти тексты наполнены любовью автора к стране, из которой он эмигрировал в 40-летнем возрасте, и нестерпимой болью за нее. «Скажу страшную и уличительную для себя вещь: я люблю даже то, что называлось СССР», — признается он. Но ведь можно любить страну и ненавидеть ее политический режим. Точно так же можно и нужно любить грешника, но ненавидеть грех, можно и просто необходимо «отделить больного от болезни».

Однако, если человек не признает, что болен, или же признает это, но не считает нужным бороться со своей болезнью, сможет ли он вылечиться? Не останется ли он навсегда таким же «подпольным человеком», как герой произведения Достоевского?

Михаил Эпштейн убежден: «Нужна внутренняя, духовная люстрация, которая может затронуть многое из того, что нами любимо, даже у Гоголя, Достоевского, Блока, Маяковского, Пастернака...». При этом автор вовсе не пытается осудить классиков, речь о том, «чтобы в самих себе найти те корешки зла, которые прорастали и через них, и через всю историю и культуру страны: в себе найти и из себя же выкорчевать».

В книге почти не упоминается Украина, но в предисловии автор подчеркивает, что ее главной темой, по сути, является именно она. И «если Россия все-таки обретет свое достойное место в современной цивилизации, это будет место рядом с Украиной, которая — как старшая, а не младшая сестра —

прокладывает ей путь на Запад».

Марина Григорьева, специально для «Хадашот»